

МАМА ВОЗВРАЩАЕТСЯ ВСЕГДА

МАРИЯ СТАРЕЦ

Мария Старец

Мама возвращается всегда

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=70594615

SelfPub; 2024

Аннотация

Маше шесть лет. Она любит разглядывать книжки с картинками, мечтает о собаке и придумывает имена всем своим игрушкам. А еще она с нетерпением ждёт того самого главного дня в году, когда на все лето уедет на дачу к бабушке, и лето это будет свободным, светлым и бесконечным, как сама жизнь. А на даче – походы за молоком в деревню, прогулки по цветущей степи, Волга, игры на чердаке и новое ожидание. Маша ждёт, когда вернётся из города мама. И обязательно дождётся, ведь мама возвращается всегда.

Мария Старец

Мама возвращается всегда

Три огромных холщовых мешка. В таких обычно хранят лук и картошку. Но в этих еще ничего не хранили. Они новые, чистые и аккуратно сложены стопочкой. Их появление в доме означает, что приближается особенное событие, которого Маша ждет целых полгода.

Маша берет мешки к себе в комнату, расправляет. Они с нее ростом! Трогает грубую ткань и даже украдкой нюхает. Это первый из множества самых разных запахов, которые будут накатывать на нее волна за волной: запах влажной земли, песка, нагретой на солнце кожи, помидоров с куста, шершавых досок веранды после того, как бабуля пройдет по ним мокрой тряпкой.

Маша окидывает взглядом комнату и решает начать с игрушек. Их очень много, плюшевых и пластмассовых, самодельных и покупных, новеньких, потрепанных и совсем старых, еще маминых. Каждой из них Маша дала имя. Некоторых взрослых это удивляет. Маша не понимает, что в этом такого. У каждой игрушки свой характер, свои увлечения и свое имя. И оставить кого-то из них немислимо! Поехать должны все. Для этого и нужны мешки.

Когда два мешка набиты игрушками до отказа, Маша разворачивает последний, третий, и усаживается возле книжно-

го шкафа. В этот мешок она складывает все свои книги, так что он становится похож на высокую покосившуюся башню. Прочитать она их, может быть, и не успеет, но ей хочется, чтобы они были рядом.

На самый верх Маша кладет несколько энциклопедий про собак. Маша любит рассматривать фотографии разных пород, а потом перерисовывать их на специально подготовленные для этого карточки. Их она аккуратно складывает в папку, а потом рассматривает и придумывает каждой собаке характер и кличку. Своей собаки у Маши нет, зато есть целый нарисованный питомник. Кстати, надо не забыть взять карандаши и фломастеры!

Всё, сборы закончены. Мешок с книгами неподъемный. Его Маша оставляет на полу возле шкафа. Два других волочет за собой в коридор. Есть еще одежда, обувь и всякое такое, неинтересное, но это мама уже наверняка сложила в пакет и сама отнесет к машине. Мама поедет вместе с ней, но сразу вернется в город, потому что ей нужно на работу. А Маша останется на даче. На все лето!

Ехать до дачи долго, целый час. Везет Машу водитель с папиной работы, Олег. Всю дорогу мама с Олегом о чем-то разговаривают, а Маша смотрит в окно. Она следит за дорогой, чтобы не упустить ничего важного. Вот то самое поле, которое как картинка в календаре. Вот железнодорожный переезд. Нужно успеть посчитать вагоны поезда. А вот поползли по асфальту трещины, и можно представлять, что скачешь

на лошади и перепрыгиваешь через них, как через ущелья. И снова разноцветные лоскуты полей, а над ними небо, такое большое и низкое, какого в городе никогда не бывает.

Маша ездит по этой дороге два раза в год: первый раз в конце весны, когда уезжает на дачу; второй раз в начале осени, когда возвращается в город. И хотя от взрослых Маша знает, что между дачей и городом 50 километров, ей кажется, что никакими цифрами это расстояние не измерить. Это просто другой мир. Сложно сказать, в какой момент всё начинает меняться. Может быть, уже в самой машине, может, на выезде из города, а может, когда сворачивают с трассы к деревне.

Дорога начинает спускаться вниз, мимо коровника, мимо пекарни, где пекут самый горячий, самый воздушный на свете хлеб, мимо завода, рядом с которым всегда пахнет козинаками, мимо старой бани. А вдали, за крышами дач поблескивает на солнце голубой лоскуток. Он кажется крошечным и далеким, но Маша знает, что если продолжить спускаться вниз по дороге, лоскуток этот развернется в широкую атласную ленту без конца и края и станет Волгой.

Но они не едут к реке, а сворачивают на узкую тенистую улочку. Машина не сразу попадает в колею, подпрыгивает, замедляет ход. Маша прижимается носом к стеклу, разглядывает знакомые заборы и дачи. А вот и их дача! Бабуля уже ждет, открывает калитку, стоит, оперев руки в бока, улыбается, говорит:

– Ну наконец-то приехали! Устали? Проходите на кухню, я зеленые щи сварила. А вчера Тамара мне сметану деревенскую принесла. Олег, садись с нами поешь! Упарился, наверное, мешки Машины таскать.

Взрослые уходят на кухню, а Маша отправляется в сад. Осматривает песочницу, проверяет, где какие овощи бабуля посадила в этом году, какие цветы уже распустились.

Когда она возвращается к калитке, Олег уже завел машину. Мама обнимает Машу на прощанье, целует в щеку. Маша морщит нос, но терпит.

– Ну все, я поехала, – говорит мама, но медлит, никак не садится в машину.

– Я скоро приеду, – добавляет она.

– Знаю, – говорит Маша.

Ей не терпится подняться на чердак и, высунувшись по пояс в окно, увидеть вдалеке блестящую на солнце Волгу.

– Не скучай, Марусь, скоро приеду, – повторяет мама и садится в машину.

Когда машина трогается и начинает медленно ползти по узкой улочке, Маша, помахав рукой на прощанье, возвращается в сад. На ходу сбрасывая шлепки, она забегает по лестнице на второй этаж, потом по еще одной лестнице карабкается на чердак, и там, отворив окно, смотрит на раскинувшийся перед ней простор. Солнце блестит на покатых крышах, переливается на поверхности реки. Глаза у Маши светятся. Впереди бесконечное лето, такое же бесконечное, как

сама жизнь.

На даче царствует бабуля. Правит без помощи строгих правил. На даче вообще очень мало правил, ну разве что не уходить далеко, но далеко – это такое слово, которое все понимают по-разному. Нет, бабуля просто часть дачи. Даже не так, бабуля – душа дачи. Невозможно представить, что когда-нибудь бабули не будет, а дача останется. Вообще невозможно представить, что когда-нибудь бабули или мамы, или папы не будет, хотя иногда Маше такое снится. Эти сны – самое страшное из всего, что ей доводилось видеть. А ведь она уже смотрела один очень страшный ужастик, после которого боялась ночью ходить в туалет.

Но такие сны и такие мысли бывают в городе. Летом на даче на них просто нет времени. Маша с бабулей все время заняты. Бабуля просыпается рано, надевает цветастую козынку, цветастый сарафан и выходит в огород. Ей нужно уйму всего успеть, пока не начало припекать солнце. И пока Маша не проснулась. Нужно прополоть грядки, ведь за ночь сорняки уже выросли! Нужно подвязать кусты помидоров – они все время тянутся выше и выше, того и гляди сломаются. Нужно полить огурцы – они пьют больше всех остальных растений. Иногда, если вечером не успели, бабуля успевает с утра сходить в деревню за молоком.

Как все это происходит, Маша только догадывается. Когда она босыми ногами сбегает по деревянной лестнице на

кухню, бабуля уже там и готовит завтрак. Можно заранее, по запаху узнать, что будет на завтрак: блины или оладушки, или каша.

За завтраком бабуля слушает радио – «Маяк» или «Эхо Москвы». Маша ест молча, тоже слушает. Ей вообще нравится слушать, как говорят взрослые. Это все равно как слушать музыку: слушаешь и одновременно думаешь о своем. Можно было бы и без музыки, но под музыку думается лучше. А под разговоры взрослых – тем более. Поэтому Маше так нравится ходить вместе с бабулей по соседям – взрослых разговоров там можно послушаться вдоволь. Именно этим они обычно и занимаются после завтрака.

Чаще всего они ходят в гости к Тамаре Петровне. У Тамары Петровны есть очень неразговорчивый муж и очень болливый пудель, с которым Маша пытается завязать дружбу. А еще у Тамары Петровны есть внучка, Катя, всего на год старше Маши, и Маша очень ждет, когда она приедет. Специально не расставляет кукольную мебель на чердаке, чтобы они сделали это вместе, как прошлым летом. Но Катя пока гостит у другой бабушки, а кукольные стулья, шкафы и кресла ждут в коробке.

– Плохие у меня в этом году помидоры, – сетует Тамара Петровна. – Была вот у Полины Андреевны – у нее совсем другое дело. Новый сорт еще мне показала. Как же он называется... Сейчас вспомню...

– Знаю, знаю, – опережает ее бабуля. – «Черный принц».

Я ей сказала, чтобы и мне помидор отложила на семена. А ты зря на себя наговариваешь. Ты глянь, какие у тебя кусты вымахали.

Маша слушает. Слушает про разные сорта помидоров, и про новых соседей, что купили участок в конце улицы, и про соседку Тамары Петровны, которая уже много лет не приезжает, и участок ее порос бурьяном.

Жалко, конечно, что Катя еще не приехала. Маше очень хочется показать ей новые фигурки собак из своей коллекции: доберман, боксер и ирландский сеттер. Только они фарфоровые, и играть с ними нужно осторожно. Маша уже все продумала. Когда они расставят мебель для кукол и оденут их, то примутся строить питомник для собак: у каждой должен быть свой вольер или будка. А куклы будут ухаживать за собаками: кормить, выгуливать, водить к ветеринару. Может быть, даже отведут их погулять в сад. Только осторожно.

А пока Кати нет, Маша играет одна. Берет самые маленькие свои игрушки – те, что вылупились из шоколадных яиц – и идет с ними в сад. Там среди узловатых ветвей сирени или в корнях старой яблони находит для них укромные местечки. Оттуда они предпринимают вылазки в помидорные джунгли, чтобы спасти какого-нибудь угодившего в беду кроху.

Мягкие игрушки Маша расставляет по всему дому. То посадит их на ступеньки лестницы, то уложит на кровать, то соорудит для них гамак между ножками стула. Но по-настоящему играть, так чтобы игрушки разговаривали друг с дру-

гом, не хочет. Для такой игры нужна мама. Когда она придет, они обязательно поиграют вместе. Маша каждый день обещает игрушкам:

– Потерпите немного. Вот мама придет, и тогда будет у вас приключение!

Остальное время Маша проводит с бабулей. Ходит с ней за хлебом и за молоком. Хлеб из пекарни такой горячий, что полиэтиленовый пакет плавится, и они кладут пышную буханку в специально приготовленную для этого холщовую сумку. На обратном пути Маша несет хлеб сама, прижимает теплый сверток к груди и нет-нет, да и надкусит хрустящую корочку. Когда они возвращаются на дачу, половины буханки как не бывало.

Бабуля сшила специальную сумку и для большой банки, в которую наливают парное молоко. За молоком они ходят вечером, когда коровы уже разошлись по домам, вернувшись с пастбища. Иногда Маша с бабулей выходят слишком рано, и тогда коровы идут перед ними дружной гурьбой. Каждая мычит на свой лад и роняет на асфальт большие лепешки, от которых поднимается пар.

– Осторожно наступай, – говорит бабуля. – Тут минное поле.

И Маша смеется, вспоминая, как Тамара Петровна заболталась, не уследила за своим пуделем, и тот вымазался в коровьей лепешке по самые уши. Интересно, как она его отмывала – окунула в Волгу? Надо спросить.

Коровы очень умные – каждая идет напрямиком к своему дому. Идут они медленно, покачивая тяжелым выменем, будто боятся расплескать молоко. Им хочется, чтобы их подоили, и все-таки они не торопятся, вышагивают степенно и важно.

Маша с бабулей сидят на лавочке возле деревенского дома с резными ставнями, ждут, когда хозяйка подоит корову. Доярка выходит к ним с ведром, полным горячего молока, и аккуратно наливает его в банку. Ставя тяжелую теплую банку в сумку, бабуля расспрашивает ее про детей, мужа и общих знакомых. Маша слушает.

Когда возвращаются домой, бабуля ставит молоко кипятиться в большой кастрюле, но одну кружку парного оставляет для Маши. Маша макает в теплое молоко кусочки свежего хлеба, держа их за твердую золотистую корочку.

Когда вечером идти за молоком не нужно, Маша с бабулей отправляются на прогулку. Иногда к ним присоединяется Тамара Петровна, а когда приедет Катя, они будут гулять вчетвером. Маршрутов для прогулок у них очень много. Можно пойти туда, где заканчиваются дачи и начинаются поля, засеянные высокой, в человеческий рост кукурузой. А можно пойти к бетонным блокам. Нужно пройти через деревню и по извилистой тропинке подняться на холм. Там, на холме, гуляет вольный ветер и причесывает жесткие степные травы. А на самой вершине холма, будто гигантский шалаш, сложены домиком высоченные бетонные блоки.

Пока бабуля с Тamarой Петровной любят видоm деревни и обсуждают, где строят новые дома, а где совсем покосились старые, Маша забирается на самый верх бетонного шалаша и смотрит вдаль, пытаясь разглядеть другой берег Волги, где ей еще ни разу не довелось побывать. Маше очень хочется когда-нибудь, как-нибудь попасть на тот берег. Почему-то кажется, что там все по-другому, совсем не так, как здесь. И невозможно представить, что и там, на высоком холме, а может, на дереве или на крыше, тоже сидит какая-нибудь девочка с длинной русой косой и смотрит вдаль.

На даче каждый день не похож на предыдущий. Все вместе они превращаются в огромное лоскутное одеяло, к которому с разных сторон все прибавляются новые и новые разноцветные лоскутки – впечатления, идеи, переживания. Таким лоскутным одеялом хорошо будет укрываться зимой, когда все дни станут одинаковыми.

Но даже на даче, где каждый день происходит что-то особенное, есть время, которое Маша ждет с нетерпением. Это время – вечер пятницы, когда приезжают гости из города. Состав гостей всегда разный. Чаще всего приезжают Машины тетя, дядя и двоюродный брат Саша. Иногда – дедушка, очень редко – папа. Мама должна была приезжать каждую неделю, но в прошлые выходные осталась в городе, потому что в новую квартиру привезли мебель и ее нужно было расставить. Но на этот раз мама точно должна приехать. Иначе

никак.

В выходные на даче становитсялюдно и шумно. Взрослые громко разговаривают, смеются, принимают гостей, размахивают руками, ходят туда-сюда, занятые ужасно важными делами. Маша наблюдает за этой суетой со стороны. Ей нравится, когда вокруг кипит работа.

Но то, что в начале кажется праздником, к концу выходных начинает утомлять. Бабуля теперь не ее бабуля, а общая и всегда занята. На кухне всегда полно народу, а Машины любимые места вдруг перестают быть укромными.

Но в этот раз приедет мама! Маша начинает ждать маму сразу после обеда, хоть и понимает, что приедет она только вечером, после работы. На пляж и к Тамаре Петровне идти не хочется – вдруг мама приедет, а Маши нет. Каждый раз, когда слышит шум приближающейся машины, бежит к окну или к забору посмотреть, не к нам ли приехали.

В пятницу после обеда ничего толком делать не получается. Маша листает книжки, ковыряется в песочнице, бродит по саду, и когда, наконец, раздается возле их ворот шорох колес, она уже тут как тут, стоит в сумерках гаража, прислушивается. И еще до того, как отворили калитку, слышит знакомый голос. Мама приехала!

Распахивается калитка, и в сад врывается мама, звонкая, загорелая, с огненно-рыжей косой до пояса, в вихре шуршащих пластиковых пакетов, набитых всем на свете. Она залезает на кухню, бросает пакеты куда попало, обнимает Машу,

весело кричит что-то бабуле, которая замешкалась на заднем дворе, наливает себе стакан воды и выпивает залпом.

Когда приходит бабуля, мама на глазах завороченной Маши опустошает пакеты, выкладывая на стол одно за другим восемь шоколадных яиц Киндер Сюрприз, целую коробку разных пирожных, Машин любимый рулет с кремом, чай в красивой жестяной банке, стопку чистых кухонных полотенец, две палки колбасы, кусок сыра с большими дырками и еще какие-то баночки, коробочки и пакетики.

– Ты с ума сошла, – всплескивает руками бабуля. – Мы что тут – голодаем, по-твоему? Ты зачем столько сладкого навезла? И чай у нас есть.

– Чай с жасмином, очень вкусный, – говорит мама. – Пирожные свежайшие. Позовешь Тамару Петровну в гости.

– А яиц этих столько зачем! – не унимается бабуля.

– Папа Маше передал, – хмыкнув, отвечает мама.

Продолжая спорить, мама с бабулей ставят чайник, заваривают новый чай, убирают что-то в холодильник, а что-то наоборот достают и ставят на стол. Маша наблюдает, слушает. Оказывается, в эти выходные никто из города больше не приедет. Значит, они с бабулей и мамой будут на даче втроем!

Быть на даче с мамой – совсем не то же самое, что с бабулей. Не лучше и не хуже, просто по-другому. В первый же вечер они отправляются гулять вдвоем – Маша и мама – но не

идут ни в поля, ни к бетонным блокам, ни к Волге. Они гуляют по узким улочкам дачных поселков. Мама ходит быстро. Рыжая коса качается у нее за спиной влево-вправо, словно маятник на часах. Вдруг она резко останавливается, и Маша, засмотревшись на красиво расписанные ворота гаража, едва в нее не врежется.

– Ой, Светка, привет! – кричит мама и машет какой-то женщине за деревянным забором. Женщина машет в ответ и открывает перед ними калитку.

Оказывается, мама работает вместе с ней в больнице.

– А ты разве Свету не помнишь? – удивленно спрашивает мама у Маши. – Ты ведь когда на работу ко мне приходила, я вас знакомила.

Но для Маши все люди в белых халатах на одно лицо. Кроме мамы, конечно.

Мама долго болтает со Светой о том о сем. Маша слушает, переминается с ноги на ногу и разглядывает украдкой сад. Наконец они прощаются и идут дальше.

Но вскоре мама опять встречает знакомых. Толстый мужчина в очках и улыбчивая женщина с короткой стрижкой очень им рады и приглашают в дом, в котором, к Машиному восторгу, живет собака – черный спаниель с длинными кудрявыми ушами и рыжими пятнышками на лапах и груди. Зовут его Грей.

Маша кидает Грею мячик, а мама вместе с хозяевами дома садится за стол, полный всяких угощений, и разговарива-

ет, разговаривает, разговаривает. Мама может разговаривать очень долго, совсем как бабуля, но только по-другому.

Кажется, все только и ждали, когда мама придет, усядется за стол и примется рассказывать истории. Кажется, все только ради этого и собрались. А мама, кажется, к этому выступлению долго готовилась, подбирала слова, репетировала, но Маша знает, что это не так. У мамы все получается внезапно, и в историях, и вообще по жизни.

Мама из всего может сделать историю: из смешного случая на работе, из воспоминаний об их поездке на море, из спора с грузчиками, которые заносили в квартиру новую мебель. Когда мама начинает рассказывать, самые обычные ситуации вдруг становятся похожими на детектив или триллер. И даже если Маша много раз слышала эти истории, даже если эти истории про нее, ей все равно интересно.

Они сидят в гостях допоздна, а потом бредут домой по темным улочкам, и путь им освещают только рыжие окна соседских дач. Темнота на даче совсем не такая, как в городе. Она густая, плотная, переполненная самыми разными звуками: стрекотом, шуршанием, всплесками. Мама шагает как всегда быстро, держит Машу за руку, а Маша, засыпая на ходу, думает, что впереди у них целых два дня.

На следующее утро, едва проснувшись, Маша понимает, что сегодня они пойдут на пляж. День выдался жаркий, солнечный, и даже если вода в Волге еще прохладная, можно будет, искупавшись, погреться на раскаленной солнцем гальке.

Ходить с мамой на пляж – совсем не то же самое, что с бабулей. Бабуля все больше сидит на берегу, иногда заходит в воду по колени и стоит, стоит, рассматривает окрестности. А мама отлично плавает. С ней можно заплывать далеко от берега и, если что, подержаться за ее плечо. Совсем далеко, Маша, конечно, не заплывает. Плавать-то она научилась только прошлым летом. Поплавать немного и обратно на подстилку – греться. А вот мама плывет и плывет чуть ли не до самого бакена, который красной пуговкой виднеется где-то посередине реки.

Маша сидит на берегу, укутавшись в махровое полотенце. Губы у нее синие и дрожат, ногти тоже синие. Зарывшись пальцами ног в мелкую теплую гальку, она грызет яблоко и следит, как мамина голова – крохотная черная точка – то выныривает из воды, то снова пропадает из вида. В какой-то момент мама оказывается так далеко, что Маша вообще перестает ее видеть. И ей вдруг становится страшно, как бывает во сне.

Маша знает, что плавает мама отлично и с ней ничего не может случиться, и все-таки хватается за свой страх и разворачивает его, как рулон оберточной бумаги. Что она будет делать, если мамина голова больше не покажется над водой? Позовет на помощь, потребует лодку, найдет водолаза в специальном костюме?

От собственных фантазий у Маши уже дрожат губы и в горле застревает твердый комок, но вот мамина голова опять

над водой и гораздо ближе, чем раньше. Мама плывет к берегу! Маша вгрызается зубами в яблоко и вздыхает глубоко, облегченно. Мама возвращается. Как всегда.

А еще с мамой можно кататься на велосипеде. Сама Маша ездить пока не умеет, поэтому ей устраивают сиденье на багажнике: кладут на него мягкую подушку и привязывают бельевой веревкой, чтобы не свалилась. Маша садится на багажник верхом, обхватывает маму за спину, и они едут по проселочным дорогам, обгоняя жаркий июньский ветер. Мимо проносятся аккуратные, причесанные поля пшеницы и дикие, кудрявые степи. Из-под колес выпрыгивают стайки кузнечиков и бьются о голые Машины ноги.

Они едут, куда глаза глядят. С мамой всегда так: никогда не знаешь, куда в итоге приедешь. Солнце светит им в затылок, и длинная черная тень, прилипшая к большим колесам велосипеда, несется впереди них, подпрыгивая на кочках.

На обратном пути они едут по дачным улицам. Мимо проносятся заборы, калитки, гаражи и дома с покатыми крышами. И мама снова встречает знакомых. И снова затевается длинная беседа. Маше нравится слушать, как разговаривают взрослые, и все-таки лучше бы они остались в полях, где даже маме очень непросто найти, с кем бы поговорить.

Но лучше всего на свете, лучше, чем рассказывать истории, плавать и ездить на велосипеде, мама умеет играть. Больше этого никто не умеет – ни бабуля, ни папа. Мама помнит имена всех Машиных игрушек, мама придумывает

для них приключения и говорит разными голосами. Иногда Маша и сама забывает играть – так интересно ей наблюдать, что вытворяют ее собственные игрушки в маминых руках.

Маша надеялась, что получится поиграть в пятницу вечером, но они вернулись домой слишком поздно. Тогда она решила, что они с мамой непременно поиграют в субботу, ведь они были вместе весь день. Но вечером к ним приходят гости – две маминых подруги, которые отдыхают на турбазе недалеко от деревни.

Слушая ее истории, подруги так хохочут, что в старом буфете дребезжат бокалы. Объевшись пирожными, Маша уходит спать вместе с бабулей, а мама и ее веселые гости так и остаются сидеть на кухне.

Но впереди целое воскресенье! Ну, почти целое. Мама должна уехать на последнем автобусе, который отходит от деревенского магазина ровно в пять часов вечера. И все равно, времени достаточно.

С утра они идут на пляж, но погода уже не такая солнечная. Все небо затянуто тучами, и они быстро возвращаются. Маша даже рада этому, ведь теперь можно остаться в доме и поиграть. Но тут оказывается, что маме непременно нужно помочь бабуле в огороде, пока не пошел дождь. Маша тоже вызывается помочь, чтобы они справились быстрее, и осталось побольше времени, но мама с бабулей все делают сами. Маша сидит на бортике песочницы, сделанной из огромной старой покрышки, и ждет.

Когда мама с бабулей заканчивают, наступает время обеда. Есть Маше совсем не хочется, но взрослым этого не объяснишь, и она покорно идет на кухню и долго ковыряет вилкой в тарелке с пюре.

После обеда начинает накрапывать дождь, и они поднимаются наверх. Мама собирает вещи и вдруг громко ахает и подзывает Машу к себе:

– Я же совсем забыла! Смотри, кого я тебе привезла.

И она достает из сумки две небольших игрушки: малиновую собачку и мышонка в тельняшке и шортах с подтяжками. Похожая собачка у Маши уже есть, но вот мышонок совершенно особенный. Маша вообще очень любит зверей в одежде. Она вцепляется в мышонка и долго внимательно рассматривает.

– Его зовут Шмыг, – объявляет мама, садясь рядом с Машей на большую тахту.

– Нет, – говорит Маша.

– А как же?

– Пока не знаю, – отвечает Маша, не выпуская из рук мышонка.

– Ну, придумаешь потом, а пока пусть побудет Шмыгом, – говорит мама.

– Нет!

Шмыг – это совсем никуда не годится. Совсем! Маша не может объяснить, почему, но ведь мама и сама должна понимать такие вещи.

– Что же он без имени у нас будет? А собачку как назовем?

– Никак.

– Ну вот, теперь у нас две безымянных игрушки, как в мультфильме, помнишь, – тут мама начинает петь таким забавным мультяшным голоском, – Я был когда-то странной игрушкой безымянной...

Маша молчит, прижав к себе мышонка.

– А давай они у нас отправятся в плаванье, чтобы добыть себе имена, – предлагает мама. – Мышонок ведь моряк! А собачка – это собака-водолаз, она тоже отлично плавает.

– Ньюфаундленд, – поправляет Маша.

– Что?

– Правильно говорить не собака-водолаз, а ньюфаундленд. Так порода называется. И они черные должны быть и пушистые.

– Ну, а эта просто покрасилась, – тут же находится с ответом мама. – Сходила в салон красоты, покрасилась и постриглась. На чем же они у нас поплывут?

– Вот на этом, – Маша сует маме плоскую подушку, которую бабуля подкладывает себе под голову, когда смотрит телевизор.

– Точно!

Мама сажает малинового водолаза и мышонка-моряка на подушку, и они начинают свое полное опасностей приключение. Маша притаскивает из другой комнаты еще несколько игрушек. Теперь игра идет по-настоящему, и на какое-то

время Маша уходит в нее с головой. Но тут с веранды доносится бабулин голос:

– До автобуса полчаса! Смотри не опоздай!

– Не опоздаю, у меня уже все собрано. Идти 15 минут, – отзывается мама.

Лицо Маши разом мрачнеет, но мама как будто этого не замечает и продолжает играть как ни в чем не бывало.

Мышонок и собачка давно сошли на берег, поссорились, помирились, нашли новых друзей, но только вот имена себе так и не выбрали.

– Элиза у нас самая большая выдумщица, – говорит маминим голосом тигр Терри. – Пусть она придумает вам имена.

– Отлично! – отзывается львица Элиза. – У меня как раз есть идея. Пусть мышонка зовут Юнг. Юнги – это такие помощники на корабле.

– Нет, – резко перебивает ее Маша.

– Почему нет? – спрашивает львица Элиза, заглядывая Маше в глаза.

– Потому что дурацкое имя.

Маша не смотрит ни на Элизу, ни на маму. Она вообще ни на кого не смотрит.

– Ну, придумай тогда сама подходящее имя, – говорит тигр Терри, прыгая к Маше на колени.

– Не хочу, – Маша спихивает тигра, а вместе с ним и мамину руку.

– Ну как же я буду без имени? Все меня засмеют, – жа-

лобно пищит мышонок-моряк.

– Мне все равно, – бурчит Маша. – Я вообще не буду в него играть. Можешь обратно его увезти.

– Ну вот, – расстраивается мышонок. – Столько я пережил, так далеко заплыл, а теперь все напрасно. Никому я не нравлюсь, придется мне уезжать восвояси.

Подыгрывать маме Маша не хочет. Она вообще уже ничего не хочет.

– Ну и пусть уезжает, раз ему так хочется, – говорит она резко. – И ты сама уезжай!

На этот раз мышонок не отвечает.

С веранды опять доносится бабулин голос.

– Все, иду, – откликается мама и поднимается с кровати, забирая с собой мышонка.

Маша не двигается с места.

Мама выходит из комнаты. Слышно, как открывается и закрывается за ней дверь, ведущая на веранду. Маша сидит, скрестив руки на груди.

– Маша, – зовет ее бабуля. – А ты что, не пойдешь маму проводить?

– Оставь ее в покое, – слышен голос мамы. – Она не в духе.

Бабуля что-то отвечает, но Маша не может разобрать слов. Мама спускается по лестнице, и бабуля идет за ней следом. Вскоре голоса их смолкают, и в комнате становится совсем тихо.

Едва мама вышла из комнаты, Маша почувствовала, как к

горлу подступает твердый комок. Она держалась до последнего, но теперь, когда ни мама, ни бабуля ее точно не услышат, она дает себе волю и начинает плакать, сначала чуть-чуть, а потом уже изо всех сил. Слезы стекают по щекам, затекают в рот, но ей все равно. Маша дрожит, раскачивается взад-вперед и долго не может успокоиться.

Пока Маша плачет, она ни о чем не думает. Но когда слезы заканчиваются и остаются только всхлипы и шмыганье носом, на Машу вдруг обрушивается огромная и страшная мысль – мама уехала!

Мама уехала и не вернется до следующих выходных, а может быть, и еще дольше. Ведь Маша сама ее прогнала.

Маша смотрит на разбросанные по кровати игрушки, на малиновую собачку, так и оставшуюся без имени. Слез больше нет, нет и комка в горле, но вместо него появляется какое-то ужасное чувство, которое все разрастается, жжет и давит изнутри. И это чувство будет жить в ней, пока мама не вернется. Оно будет расти, пока не разорвет Машу на части.

А что если мама не вернется вовсе? Ни через неделю, ни через две, никогда? Что если в автобус, в котором она поедет, врежется огромный грузовик? Такое ведь постоянно случается. Маша слышала об этом по радио. От этих мыслей Маше становится страшно, но ни о чем другом думать она не может.

Может быть, маму еще получится догнать, остановить? Маша вскакивает с постели, выбегает из комнаты, распахивает

вает дверь на веранду и спускается по лестнице, перепрыгивая через ступеньку. В саду – никого. Ну конечно, автобус давно уже уехал. Глупо было надеяться, что мама еще тут.

Растерянная Маша стоит на крыльце и вдруг слышит голоса за воротами. Бабулин, а потом еще один. Маша стоит как вкопанная, не решаясь пошевелиться. Скрипит калитка и из гаража выходит мама.

– Ты не уехала, – едва слышно произносит Маша.

– Нет, – улыбается мама. – Оказалось, что сын Тамары Петровны едет в город через час и может довезти меня прямо до дома – ему по пути. И я решила с ним поехать. Вот ходили договориться. А бабуля пошла к тете Гале, набрать для меня сливы.

– Значит, ты все-таки уедешь, – говорит Маша.

– Я бы с радостью осталась, но мне же завтра на работу, – отвечает мама.

Маша шмыгает носом и произносит, глядя себе под ноги:

– Ты все-таки оставь мне мышонка.

– Я его и не забирала, – говорит мама с улыбкой. – Он там, наверху, на столе. Ты разве не заметила?

Маша мотает головой и снова шмыгает.

– Ну пойдем, назовем его, наконец, – говорит мама, поднимаясь на крыльцо и сбрасывая с ног сандалии. – У нас еще целый час. Должны же мы за это время придумать ему имя, правда?

– Давай его будут звать Юнг, – предлагает Маша, подни-

маясь вслед за мамой и вытирая нос рукой.

– Ну не знаю, – весело отзывается мама. – Ты была права – так себе имечко. Он же у нас опытный моряк, а не какой-нибудь юнга. Уверена, ты можешь лучше придумать.

И они целый час играют, сидя на большой тахте, пока бабуля не кричит им с веранды, что сын Тамары Петровны уже подъехал.

Маша провожает маму до машины. Мама кладет сумку в багажник, обнимает Машу крепко-крепко, так что дышать трудно, целует бабулю в щеку и усаживается на заднее сидение. Потом вдруг подзывает Машу к себе и обнимает еще раз.

– Я скоро приеду, Марусь, – говорит она.

– Точно? – тихо спрашивает Маша, ковыряя землю подошвой шлёпка.

– Куда ж я денусь, – смеется мама, но тут же добавляет уже серьезно. – Конечно, приеду. А ты пока придумай имя собаке-водолазу.

– Ньюфаундленду, – поправляет Маша.

– Точно!

Мама улыбается и захлопывает дверцу машины.

Машина трогается. Маша бежит за ней следом до самого конца улицы и машет изо всех сил. Мамина рука тоже машет ей из открытого окошка. Когда машина скрывается за поворотом, Маша разворачивается и бредет к даче.

Бабуля ждет ее у калитки. Стоит, уперев руки в бока, и ее

фигура в цветастом летнем сарафане излучает надежность.

– Ну вот, и глазом моргнуть не успеешь, как мама вернется, как всегда, – говорит бабуля таким голосом, что ей невозможно не верить. – Пойдем что ли чаю попьем!

Бабуля открывает тяжелую калитку и уверенным шагом направляется на кухню. Там она ставит на плиту чайник и достает из холодильника оставшиеся пирожные. А Маша сидит на своем любимом стуле с высокой спинкой и думает над бабулиными словами. Мама много всего умеет – и хорошо плавать, и рассказывать истории, и ездить на большом велосипеде, и играть – но самое главное, что она возвращается. Всегда.